

Юлия Андреева¹

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ – ЗАКЛИНАЮЩИЙ СМЕРТЬ

Им жинист и дек дент В дим Шершеневич хорошо зн л А. Блок , Н. Гумилёв , О. М ндельшт м и многих других поэтов Серебряного век .

Он родился в К з ни в семье известного профессор -юрист К з нского, з тем Московского университет . В дим учился сн ч л в Мюнхенском университете н филологическом ф культете, з тем в Московском университете н юридическом. Всё ему д в лось с пуг ющей лёгкостью, д же выпускные экз мены юнош сд л экстерном, досрочно окончив юридический ф культет.

Шершеневич пис л много, и, н чин я с 1911 год , у него чуть ли не к ждый год выходили поэтические сборники. Они были вполне успешными. Его стихи нр вились В. Брюсову, который ост вил о них хв лебный отзыв. З тем Шершеневич вдруг решил попробов ть себя в футуризме и подружился с А. Кручёных, В. Хлебниковым, В. К менским, Д. Бурлюком. Со стороны было, н верное, стр нно н блюд ть этого изящного, тц тельно следящего з своей причёской и костюмом юношу, которого очень скоро н зовут денди Советского Союз , в столь р зношёрстной комп нии. Шершеневич отлич лся от своих новых друзей пок зной богемностью и тягой к тёмной поэзии. Но н смену первым восторг м от футуризм пришло горькое р зоч ров ние. Шершеневич решил, что этот путь для него не интересен. Может быть, это

¹ Андреева Юлия Игоревна родил сь в Ленингр де. Поэтесс и пис тельниц , член Союз пис телей С нкт-Петербург , втор 48 вторских книг, из которых большую ч сть сост вяют исторические ром ны и биогр фическ я литер тур . В 2002–2004 год хр бот л н р диост нции «Открытый город», где вел постоянную рубрику «Литер турн я гостин я», т кже циклы перед ч «Компьютерные истории», «Усыновление», «Открытый космос». Совместно с поэтом и изд телем Алекс ндром Смирор орг низует выпуск книжной серии «Петр эдр», в которой публикуются стихи и р сск зы молодых пис телей и поэтов С нкт-Петербург . Ныне он н считыв ет около 30 книг. Л уре-т многих литер турных конкурсов. Живёт в С нкт-Петербурге.

футуристы вдруг поняли, кого пригрели на своей груди. М. Яковлевский откровенно писал о поэте Шершеневиче: «Товарищ Шершеневич — продукт “Стоял Пегас”. Эти Шершеневичи... предстатели упаднических, они предстатели гнилого болота на шейлитературы, они остаются контрреволюции, которые не успели покинуть нашу революционную землю».

В дим Шершеневич, как уже было сказано, не чурался тёмных и даже откровенно странных тем; кроме того, он тщательно изучал фольклор в поисках сюжетов для вдохновения. Как известно, фольклор бывает разным — в русской традиции существуют как былины, которые ещё в XIX веке признали своим духовным znameniem славянофилы, это и песни (Н. Некрасов не только написал в стиле народных стрел, чем вызвал огромный интерес к родной поэзии у интеллигенции), так и фольклор, предстательный обычаями, обрядами, стихично идущими от язычества, стихично от христианства, но христианства неканонического, преломлённого в родном сознании и подстроенного под нехитрые нужды простого человека — члена крестьянской общины. «Помогите мне, боже, всё бельё перестирывать» — с одной стороны в песне присутствует образ Богородицы, к которой обращаются с просьбой, с другой, просьба как я-то уж очень приземлённая, есть ли матери Бога нашего дело до кого-то корыт с нестиранным исподним. Так с высшими силами не принято разговаривать. Спойте кое-что перед провальным битьём — осерчает. Для язычника же, у которого много смежных богов, попросить одного из них подсобить примус починить или бревно дотасовать — вещь обычная. В начале XX века, в свете предреволюционного кризиса, произошёл массовый отход от провальствия, ставшего незначительным режимом; интеллигенция искала новых путей, обновлённых духовных скреп. Но каким должен быть русский духовный путь? Западники предлагали католицизм и протестантизм. Религиозные видели искомым Альтернативу — язычество. Славянофилы считали, что не нужно отходить от христианства, и предполагали единственно правильным вернуться к исконно русским старообрядческим верованиям и к родному фольклору.

* * *

Ещё когда в Руси князь Владимир Святославич Крестом Солнышко только-только начал христианство, и официально принимал крещение, но от своих старых привычек при этом не отказывался. Ведь христианская традиция не предлагала привычных крестному славянину и необходимых в быту заговоров, как без них? Молитва — дело хорошее, молитва — это обращение

ние к высшим сил м с просьбой о помощи или с бл год рностью. З говор, который ворожея н шёптыв ет н д больным или к к бл гословение н хорошее дело, н восст новление или созд ние семьи — имеют природу, сходную с м нтр ми: слов и звуки обво л кив ют, к к бы созд в я з щитные коконы.

Когд христи нство ещё только н чин ло утвержд ться н Руси, з одно только упомин ние в з говор х Велес , М коши или Св рог могли н костре сжечь. Вот н род и приспособился в уже имеющиеся и р бот ющие з говоры вplet ть святые для к ждого христи нин имен Богородицы, Илии Пророк , Святого Петр , Иисус : подслуш ют, к к б бк н д недужным шепчет и при этом сл вит небесную з ступницу, сочтут, что т творит святую молитву, и отвяжутся. Сн ч л з говоры видоизменяли для вид , по том и с ми привыкли. Т к что постепенно тр диция изменил сь.

А ведь р бот со словом — это к к р з р бот поэт ! Поэтому изуч ющий н родное творчество и уделяющий много времени построению стих по принципу звукописи и обр зности, ведя долгие р зговоры с А. Кручёных о пр ктик х «з умной поэзии» и вып рботке собственного язык , н ш герой не мог пройти мимо з говоров — литер турных текстов, умеющих, бл год ря своим вибр циям, целить душу и тело. Вместе со своими друзьями В - дим Шершеневич время от времени отпр влялся по деревням з фольклором. Г д ния, з клин ния, опис ния обрядов д вно уже были подхв чены поэт ми и пис телями (святочные р сск зы, городск я мистик). Но одно дело просто перепис ть легенду или созд ть литер турное произведение н её основе (Жуковский «Светл н », Гоголь «Вечер н хуторе близ Дик ньки», пр.) и совсем иное построить свою жизнь в точном соответствии с тёмными н родными веров ниями, слившись с теперь уже непонятной, пуг ющей и, одновременно с тем, ч рующей тр дицией, принятой н Руси в ст роз ветные времен и дожившей до н ших дней.

Отч янных головушек, жел ющих пойти н оп сный эксперимент и док з ть себе и окруж ющим, что он круче и бесш б шнее ост льных, во все времен было более чем дост точно. Об одном т - ком эксперименте н д собственной душой пис л Ф.М. Достоевский².

«Собр лись мы в деревне несколько п рней, — н ч л он говорить, — и ст ли промежду себя спорить: “Кто кого дерзостнее сдел ет?”. Я по гордости вызв лся перед всеми. Другой п рень отвёл меня и говорит мне с гл зу н гл з:

— Это ник к невозможно тебе, чтобы ты сдел л, к к говоришь. Хв ст ешь.

² Ф.М. Достоевский «Дневники пис теля 1873 год ».

Я ему ст л клятву д в ть.

— Нет, стой, поклянись, говорит, своим сп сением н том свете, что всё сдел ешь, к к я тебе ук жу.

Поклялся.

— Теперь скоро пост, говорит, ст нь говеть. Когд пойдёшь к прич стью — прич стье прими, но не проглоти. Отойдёшь — вынь рукой и сохр ни. А т м я тебе ук жу.

Т к я и сдел л. Прямо из церкви повёл меня в огород. Взял жердь, воткнул в землю и говорит: положи! Я положил н жердь.

— Теперь, говорит, принеси ружьё.

Я принёс.

— З ряди. З рядил.

— Подыми и выстрели.

Я поднял руку и н метился. И вот только бы выстрелить, вдруг предо мною к к есть крест, н нём Р спятый. Тут я и уп л с ружьём в бесчувствии».

Что же после этого могло произойти с человеком, который не просто додум лся р зумом, что стреляет не в просфору — хлебец, символизирующий тело Христово, в с мого Сп сителя, осозн л, получил оз рение? Он приполз н коленях к яться, хотя и поним л, что отныне и до век он проклят и ник кого сп сения не получит. А вот другой выстрел³:

*Революционный держите шаг! / Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трусь! / Пальнём-ка пулей в Святую Русь.*

Это ещё один выстрел в Христ , поэтому и поэм з к нчив - ется слов ми:

*Впереди — с кровавым флагом, / И за вьюгой невидим, /
И от пули невредим, / Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной, / В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.*

Кто из деятелей искусств мог добровольно решиться подвергнуть безж лостному эксперименту с мое святое, что у него есть, положить н лт рь поэзии свою бессмертную душу? А потом, подобно библейскому Авр му, что чуть было не ст л сыноубийцей, з нести н д ней — н д своей душой — жертвенный нож?

*И на улицах Москвы, как в огромной рулетке,
Моё сердце лишь шарик в руках искусных судьбы.
И ждать, пока крупье, одетый в чёрное и серебро,
Как лакей иль как смерть, всё равно, быть может,*

³ А. Блок «Двен дц ть».

Н т кой подвиг были способны поэты серебряного, лунного век , литер торы дек д нс , но и те больше кр сов лись, нежели действительно шли н риск.

С мо слово «*décadence*» (фр.) озн ч ет уп док, если угодно, культурный регресс. Сн ч л это звуч ло к к оскорбление. Н - пример, В. Гюго одн жды серьёзно обидели, н зв ли, посчит в его приверженцем д нного н пр вления, но потом Т. Готье, Ш. Бодлер и другие поэты превр тили это слово в некий символ литер - турной элиты. Дек денты изуч ли душу во всех её проявлениях, верили в р й и особенно в д. Они не стремились состояться, сде л ть к рьеру; что может быть б н льнее, чем остепениться, з ве сти семью, жить, к к все, и в свой срок умереть.

* * *

В русской тр диции (н родной, не церковной) счит лось, что жизнь человек — это лишь временный эт п перед жизнью вечной, переходом в которую является смерть. Отсюд смерть — цель земной жизни человек , потому что от того, к к человек умрёт, з висит, сумеет ли он упокоиться. Упокоиться — войти в состояние покоя, ост вить всё бренное и вознестись в горние миры, д бы, утвердившись т м, ок зыв ть помощь и покровительство своим близким и друзьям.

И если офици льн я церковь счит л , что, коли человек умер, отпет и погребён, следов тельно, он упокоился, то н родн я тр - диция был с ней в этом не согл сн . Люди счит ли, что упокоиться человек может лишь в случ е своей естественной смерти. К примеру, если человек умер р ньше срок — погиб, был убит, не д й Бог, совершил с моубийство — его душ не покинул тело и ост л сь н земле. А это великое горе для всех. Н род жил миром — то есть общиной. И душ неуспокоенного покойник имел полное пр во попыт ться вселиться в тело зн комого ему челове- к . В результ те тот, в кого вселил сь неуспокоенн я душ , мог от этого сойти с ум . Поэтому пр ктиков ли н зыв ть новорождён- ных имен ми неуспокоенных родственников, д в я т ким обр зом душе второй ш нс переродиться в новом теле⁵.

* * *

Некоторые ктёры отк зыв ются от гл вных ролей, если по сцен рию им необходимо лечь в гроб. Счит ется, что т ким об-

⁴ В. Шершеневич «Содерж ние плюс горечь».

⁵ А. Пыжиков «З ложные покойники».

р зом можно н клик ть беду. В дим Шершеневич идёт туд , где стр шно и оп сно; он при жизни добровольно проходит мыт рств неуспокоенной души, проводя свою поэзию через все круги д , пыт ясь при этом постигнуть весь уж с души, вопреки собственной воле ост вшейся в теле после смерти. Его лирический герой погруж ется в холодную могилу, д бы вести оттуд свой стр шный репорт ж.

*Руки луна уронила — / Два голубые луча.
(Вечер задумчив и ясен!) / Ах, над моею могилой
Тонкий, игрушечный ясень / Теплится, словно свеча.*

*Грустно лежу я во мраке, / Замкнут в себе, как сонет...
(Ласкова плесени зелень!) / Черви ползут из расщелин,
Будто с гвоздикой во фраке / Гости на званный обед.*

Для Шершеневич д — это не огненные котлы, д — это по Гоголю — быть похороненным з живо, или — точнее — умереть, но не упокоиться и ост ться в могиле, н блюд я собственное гниение (Ф.М. Достоевский «Сон смешного человек »).

Н род хоронил людей, умерших не своей смертью, н специ льном кл дбище, д бы непр вильные — неуспокоенные — не смущ ли пр вильных — упокоенных, не отвлек ли их своими р зговор ми и молеб ми. Вняв требов нию мир , церковь н ч л строить специ льные Божьи дом , где хоронили неопзн нных покойников, т кже людей, умерших неестественным обр зом. И лишь с моубийц м было отк з но в церковной земле, и их хоронили з церковной огр дой.

В Москве Шершеневич н шёл себе жильё н Ст рой Божедомке. В том месте, где когд -то держ ли неопзн нные тел и хоронили умерших преждевременной смерью. Случ йно ли?

В обществе, где «мир» реш ет судьбу человек , с мое стр шное — это быть изгн нным из «мир »: можно получить телесное н к з ние, но ост ться с миром. Можно з пл тить штр ф или д же утр тить свободу, но всё р вно продолж ть ост в ться ч стью мир , д же после смерти, будучи похороненным рядом с родственник ми, человек ост ётся ч стью мир , и живущие помин ют его в своих молитв х. Но если тебя отторг ют, ты втом тически превр щ ешься в изгоя, в человек без корней, без роду и племени. Тебя уже не примут ни в родном доме, ни у друзей. То же можно ск з ть и о с моубийц х: есть пословиц «н миру и смерть кр сн », обычно её относят к внеза пной смерти — н пример, человек к знят перед собр вшимися зрителями. Но н с мом деле мир — это общество, в котором живёт человек. И если он умира ет в своей постели в окружении родственников и друзей, эт смерть

пр вильн я, понятн я и по-своему кр сив я (кр сн я). Смерть — итог всей жизни человек . Что же к с ется с моубийцы, он уходит из жизни нез конно, то есть с м дел ет себя добровольным изго- ем. Он отлично зн ет: м ло того, что его смерть ст нет уд ром для его близких и друзей, он ещё ост нется несмыв емым пятном н их репут ции, потому что они не смогут похоронить с моубийцу рядом с другими родственник ми и, если и ст нут н вещь ть его могилку, то будут вынуждены дел ть это укр дкой, стыдясь.

Шершеневич прекр сно зн ком с н родной тр дицией, и он предвещ ет стр шные события грядущего и снов дел ет это че- рез любимый обр з:

Истинно говорю вам: года такого не будет!..

Сломлен каменный тополь колокольной святой.

Слышите: гул под землёю? Это в гробе российский прадед

Потрясает изгнившей палицей своих костей.

Многие поэты дек д нс приним ли н ркотики, тр вились, рез ли себе вены, жел я тем с мым р зорв ть всякие счёты с жизнью, много т ковых было и среди близких зн комых поэт В дим Шершеневич . Возник ющие, к к грибы после дождя, обществ спиритов вызыв ли души с моубийц, вопрош я их обо всём н свете.

Если б знали, сколько муки скрыто / В смехе радостном моём!

Как мертвец, ползу из-под плиты. / Как мертвец, я в саване ночном.

Я не смею быть самим собою, / А другим не в силах, не хочу!

Покрываясь мглой ночью, / Улыбаюсь я лучу.

Но вот и любим я девушк , которую В дим ещё только меч- т л н зв ть своей невестой, внезапно тонет. По н родной тр ди- ции утопленницы превр щ ются в рус лок или м вок-болотниц. Р змышлениями о мучениях, которым теперь подвержен душ несч стной, н веяно стихотворение «Печ ль»:

Я видел в небе белые воскрылья

И толпы ангелов, Творцу слагавших Стих, —

Но птица траура свои раскрыла крылья,

Погасли в небе белые воскрылья,

И грустно никну — радостный жених.

К чему мольбы? К чему усилья?

Я — тьмы тоскующий жених.

Воспоминаний рой, как траурная птица,

Метнулся предо мной, лежавшим в забытьи.

Я в небе увидал кровавые зарницы;

Воспоминаний рой, как траурная птица,

*Закрывает на миг все радости мои.
Так закрывают длинные ресницы
Глаза усталые твои.*

*Но ты — невеста осени певучей —
Словами тихими, как тонкою стрелой,
Метнула в рой воспоминаний жгучий.
Но ты — невеста осени певучей,
Подруга юная, горящая зарёй, —
Низвергла скорбный рой летучий
Пред разгоревшейся зарёй.*

Интересно, что он употребляет выпадение «невест осени певучей», где и невест, и осень женского рода. Впрочем, если бы осень была и писана с большой буквы, мы бы понимали, что невест теперь принадлежит другому/ другой, но осень со строчной буквы даёт предствление и о времени смерти, и одновременно о том, что душа несчастливая как бы претворяется в прекрасной, скорее всего золотой, осени. Почему золотой? Просто это с мая кризис осенняя пора, может быть потому, что золото мелькнёт в последнем фрагменте стихотворения — «златые колесницы».

*Воспоминаний рой, как траурная птица,
Метнулся от меня, простёртого в пыли.
Я в небе увидал златые колесницы;
Воспоминаний рой, как траурная птица,
Сокрылся, приоткрыв все радости мои.
Так открывают длинные ресницы
Глаза горящие твои.*

И что же — в результате этого стихотворения-заклинания любимые глаза открываются, невеста готова к возрождению.

Существует такая древняя форма магического договора, дошедшая до наших дней практически без искажений: «живи за меня». Тебя просили своих друзей и близких люди, знающие, что смерть — порог. Следственно, нужен человек, который проживёт остальную жизнь за умершего, дабы тот смог упокоиться с миром. Вдоль прожитой за любимую весь этот тяжёлый переход в одном стихотворении. Это функция жреца, который проводит ритуал, дающий умершему возможность очиститься, успокоиться и обрести надежду на второй шанс. Мужчина не может прожить жизнь за погибшую девушку, но зато поэт способен сохранить её образ в своих стихах.

Но вот боль о любимой притупляется, душа умершей освобождает поэта от клятв, и он влюбляется во вторую раз. Но и вторая любовь погибает на железнодорожных рельсах.

*Там, на вершине скал отвесных, / Откуда смертным схода нет,
Ты шепчешь много слов чудесных, / Безвольный требуя ответ.
На рельсах железнодорожных, / Зовя под встречный паровоз,
Ты манишь их, неосторожных, / Чтоб головой под треск колёс.
Всем, кто взыскует тщетно хлеба, / Как ведом в глубине ночей
Твой синий плащ, что шире неба, / Твой голос вскриков всех страстней!
В часы, когда окрест всё тише, / Лишь в сердце отзвук мрачных строф,
И я не раз твой голос слышал, / О чёрный ангел катастроф.
Пока в безумстве жизни жаждал / И счастья требовал ещё,
Уже успел коснуться дважды / Моих избранниц ты плащом.
И вот теперь я в третий вижу, / Вернее, чувствую вблизи,
Что тот, кого я ненавижу, / Опять плащом пресиним движет
И вновь вниманьем мне грозит. / Сгинь, пропади, здесь место свято!
Кричу и бормочу одно: / — Иль нет тебя вблизи, проклятый,
Иль прибыл ты теперь за мной⁶.*

Шершеневич изучает родную традицию и знает, что если не произвести необходимый ритуал, умершие неестественной смертью пополняют армию неупокоенных духов, справиться с которыми можно, либо дав им другое тело и, следовательно, второй шанс, либо воплотить образы их страданий в стихах, дабы жертвы могли избавиться от своих мучений.

Примером того стихотворения-зговора может служить стихотворение Шершеневича «Снежный болван»:

*Из снега сделан остов мой. / Я — ледяной болван немой.
Мой грубый, неуклюжий торс / К ногам безжизненным примёрз.
Два неморгающих зрачка — / Два бархатистых уголька.
Льдяное сердце в грудь не бьёт, / Льдяное сердце — мёртвый лёд.
Весенний луч... Бегут ручьи, / И руки мёртвые мои
Ещё беспомощней торчат, / И слёзы — льдинки сыплет взгляд.
Весенний день и синева... / Подтаивает голова.
Весенний день лучом вскипел... / Я пошатнулся и осел,
И тяжело упал назад. / И только бархатистый взгляд
Глядит с укором на весну, / Нарушившую тишину.*

Мёртвые руки — это и сухие ветки, из которых делаются руки снеговика, и, одновременно, образ всё чувствующего мертвеца. В конце стихотворения второстепенно вступает снежный болван, прототип, тем самым как бы отменяя невыносимое существование призрака.

* * *

Розов вошёл в футуризм, в 1919 году В. Шершеневич вместе со своими новыми друзьями — С. Есениным, А. М. Ренгофом, А. Кусиковым — организуют новую группу и — одновремен-

⁶ В дим Шершеневич. Реминисценция.

но — поэтическое и пр влияние «им жинизм». З год до этого Шершеневич опубликов л одно из с мых зн чительных своих произведений — любовную поэму «Крем торий», в которой полемизиров л с «Обл ком в шт н х» М яковского. Через год он будет переизд н и получит подз головок «Поэм им жинист ». Д лее будут изд ны книг стихов «Лош дь к к лош дь», сборник поэм «Коопер тивы веселья», «Вечный жид», «Одн сплошн я нелепость». Шершеневич уч ствует в коллективных изд ниях «Коробейники сч стья», «Золотой кипяток» и «Мы Чем К емся», сотруднич ет с журн лом «Гостиниц для путешествующих в прекр сном».

Шершеневич известен и обож ем публикой, в 1919 году он ст новится председ телем московского отделения Всероссийско-го союз поэтов. Тогд же он приним ется з переводы. В 1920-е — 30-е переводил с нглийского У. Шекспир , П. Корнеля, В. С рду, с немецкого — Рильке, Лилиенкрон , с фр нцузского — Бодлер «Цветы зл ». Проявляет огромные интерес к те тру и особенно кино: теперь он пробует себя в к честве др м тург , сцен рист , режиссёр и кинокритик . Пишет книгу об И. Ильинском.

Что же до стихов, постепенно они н чин ют з тух ть и к к бы отходить н второй пл н. В 1926 году Шершеневич публикует свой последний поэтический сборник — «Ит к, итог». Из с мого н зв ния видно, что поэт подводит черту под своим поэтическим творчеством.

Что же произошло с н шим героем и почему его з клин тельн я м гическ я поэзия сдел л сь ему неинтересной или, быть может, бесполезной? Обр тимся к биогр фии поэт . В 1926 году его втор я жен — ктрис Опытно-героического те тр Юлия Дижур — покочил с собой в возр сте всего-то 25 лет — обр тим вним ние — после ссоры с мужем (!). После этого Шершеневич посвящ ет Юлии книгу «Ит к, итог» и д лее ост вляет м гическую поэзию: его поэтическ я муз пр ктически з молч л . А что он мог? Случ йн я смерть и н меренное с моубийство — не одно и то же, по сути. И если в первом случ е он мог повлиять, н пис в стихотворение, во втором — книги было м ло. Нужно было что-то особенное — огромн я, с кр льн я жертв , н пример, обещ ние не пис ть стихов.

Мне хотелось бы з вершить эту ст тью фр гментом стихотворения В. Шершеневич «Содерж ние плюс горечь», которое н илучшим обр зом х р ктеризует его не только к к поэт смерти, но и к к певц любви.

*Милая! Ведь навзрыд истомилась ты: / Ну, так оторви
Лоскуток милости / От шуршащего платья любви!*

С нкт-Петербург